Т.В.Нечаева

"СКАЗАНИЕ О ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ" ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХУП в.: МЕСТНАЯ ЛЕГЕНДА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ

В русской литературе сказания о чудотворных иконах занимали особое место: они появились на самых ранних этапах её развития и просуществовали почти до XX века, поражая литературоведов продуктивностью своей сюжетной схемы и неизменным успехом у читателей.

Исследователи уже обратили внимание на этот жанрово-тематический феномен, установив его тесную связь с таким явлением, как возникновение в древнейших культурных центрах на Руси местных легенд, дающих локальную версию общегосударственных исторических, политических, идеологических процессов.[I] Нередко эти устные предания составляли основу литературного текста, который, как правило, писался не ради них самих, а совсем по другому поводу.

К ХУП в. на Руси многие культурные центры и их святыни утратили свою былую славу, но новые повороты истории поднимали их из забытья, наполняя новым смыслом. Такова судьба Костромы и её святыни, Феодоровской иконы Богоматери, отразившаяся в "Сказании о Феодоровской иконе". "Сказание" не получило достаточного освещения в научной литературе, хотя и обратило на себя внимание ученых в XIX - начал XX века.[2] О его популярности на Руси свидетельствует большое число списков, а также появление под влиянием "Сказания" новых литературных текстов и устных преданий, дополняющих его сюжетную канву. Костромская святыня, сходная в своей иконографии с Владимирской иконой, была широко известна за пределами Костромы и являлась в ХУП в. живописным эталоном икон на этот сюжет.

Текст "Сказания о Феодоровской иконе" представлен в рукописях

в трех редакциях - А, Б, В, включающих в себя многочисленные варианты.[3] Все три редакции обнаруживают значительное сходство сюжетного материала, различаясь объемом текста, стилем и фактографическими деталями. В основе сюжета лежит костромская легенда о явлении чудотворной иконы Феодоровской Богоматери костромскому князю Василию в середине XIII века и об основании князем главных храмов Костромы. Во всех редакциях в изложении легенды мы не находим существенных разночтений. Редакция А, имеющая в рукописях заглавие "Слово о чудеси и о явлении святыя чудотворныя иконы... Феодоровския", иногда с вариантом "Сказание о явлении...", представляет разработку сюжета легенды с помощью обширных риторических включений, молитвословий, цитирования библейских текстов и апокрифов. События легенды располагаются в причинной последовательности, описание некоторых из них выделяются в самостоятельные главы с заголовками. Например, "О явлении образа Богоматери князю", "О победе благоверного князя Василия Георгиевича, како победи прегордого Батыя царя" и т.п. Риторика редакции Б (собственно "Сказания о Феодоровской иконе") более сдержана, лишена чрезмерной пафосности, сокращены или отсутствуют многие молитвословия и цитаты.

Редактор также изменил вступление к тексту. Вместо проповеднического начала: "Всякий божественный Богоматере праздник присно почитаем" и т. п., в редакции Б находим традиционное риторическое качание: "Како исповем, или како хощу написати, или что реку, или что возлагалю о сей пречудной иконе...". Эту риторическую формулу находим и в редакции А после торжественной речи во славу иконы, но там она искусно расцвечена новыми оборотами. Во многом стиль редакций А и Б соответствует вынесенному в их заглавие жанру: торжественное "Слово" (А) и "Сказание" (Б).

Редакция В - краткий проложный текст, в общих чертах передающий костромскую легенду и встречающийся в рукописях под заглавием "Повесть о Феодоровской иконе".

Несомненно, костромская легенда, положенная в основу текста, обнаруживает следы древнего происхождения, тогда как наиболее ранние известные списки "Сказания" относятся к середине ХУП в. Оживление древних преданий в I-ой половине ХУП века было вызвано определенными причинами, которые также послужили толчком к составлению литературного текста.

Для разрешения этих вопросов наибольшее внимание привлекает редакция А. Повышенный интерес к истории Костромы и ее культовым центрам, широкое обращение к костромской топонимике (например, озеро и село Святое, по мнению автора, получили свои названия по месту чудесной победы князя Василия над татарами с помощью иконы), упоминание мелких костромских населенных пунктов в "Летописи чудес", сопровождающей основной текст редакции А, детализация месторасположения храмов и др. свидетельствуют о костромском происхождении памятника.

Среди действующих лиц, помимо костромского князя Василия, - архимандрит Ипатьевского монастыря Тихон, игумен Богоявленского монастыря Ферапонт, протопоп Успенского собора Федор, известные и по другим историческим источникам.[4] Все это духовенство в 1636 г. принимает участие в процедуре поновления чудотворной Феодоровской иконы, находящейся в Успенском костромском соборе. Акция эта совершается по велению царя Михаила Федоровича и благословению патриарха Филарета ("Сия благочестивая двоица совет благ между собою сотвориша, еже бы им с чюдотворного и святого ея образа пресвятыя Богородицы Феодоровския древняя олифа снять... и еже бы им обнови-

ти новою олифою, наипаче же пресветлым торжественным праздньством..."). Ее описание читается только в редакции А в отдельном "Сказании о чудесах... Богородицы... и о обновлении честного и славного ея чудотворного образа, нарицаемыя Феодоровския, иже во граде Костроме". Стилистическая пышность и торжественность "Сказания... об обновлении", сходная с пафосом вступления, пронизывающая весь текст идея особой роли Феодоровской иконы в костромской и российской истории, подтверждаемая легендарными фактами, вниманием царской семьи и чудесами исцеления, последовавшими за поновлением иконы, позволяют утверждать, что толчком к составлению "Сказания о Феодоровской иконе" в редакции А послужила акция 1636 г.[5] Дата эта может считаться и точным временем составления "Сказания", так как в описании поновления иконы находим настойчивые прямые указания на близость события автору: "Такожде и нине в сие последнее время в лета 7144 (1636) месяца апреля в 20 день..."; "Такожде и нине сей одушевленный божий киот да обновися...". Первое чудо исцеления от иконы в "летописи" из 34 чудес отнесено ко времени "по обновлению образа", т.е. тотчас же в апреле, и далее, начиная с мая, чудеса хронологически доведены до конца 1936 г. (с I по 18-е). Все остальные 16 чудес, заканчивающиеся 1646 г., можно считать позднейшим дополнением.

Очевидно, пышное поновление иконы и особое почитание ее Михаилом Федоровичем определялись новым расцветом ее культа. Возрождение костромских преданий было связано не только с поновлением иконы, но подготовлено другими, относительно недавними ее "заслугами".

Во всех трех редакциях "Сказания" (А, Б, В) во вступлении упоминается "разорение литовских и польских людей", т.е. смутное

время, события которого коснулись и Костромы. Осаде тогда подвергся Ипатьевский монастырь, где с 1606 г. укрывался Михаил Романов. В последствии Михаил Федорович щедро жертвовал средства на восстановление Ипатьевского монастыря в ответ на жалобы старцев на "литовское разорение"[6].

В тексте редакции А в "заслугу" Феодоровской иконе вменяется защита христианской державы от еретиков-иноверцев и помощь в установлении "престола царева", избрании царя-христианина. Без сомнения, автор имел в виду восхождение на российский престол в 1613 г. Михаила Федоровича, благоприятные перемены в стране и особую роль в этих процессах Костромы и ее иконы. Феодоровская икона была родовой реликвией и покровительницей Романовых, ею, наряду с другими святынями, костромское духовенство встречало в 1613 г. московскую процессию, пришедшую к Ипатьевскому монастырю с прошением к Михаилу о принятии российского престола. События эти описаны в известной московской "Грамоте об избрании царя Михаила Федоровича на всероссийский престол", составленной в том же году. Однако в ней ничего не сказано конкретно о Феодоровской иконе: Михаила благословили "у святых икон"[7]. Существует также костромская версия "Грамоты", составленная в Ипатьевском монастыре и входившая в состав монастырской летописи[8]. В ней подчеркнуто участие Феодоровской иконы во всех описываемых церемониях. По случаю благословления Феодоровской иконой Михаила Романова 14 марта 1613 г., день этот был объявлен новым общерусским праздником в честь чудотворной иконы, о чем немедленно было составлено "Извещение", описывающее особенности и порядок празднования[9]. Содействием Михаила Феодоровича, его семьи и патриарха московского и "всея Руси" новый праздник установился и стал популярным чрезвычайно

быстро. Царская семья с педантичной точностью отмечала его ежегодными паломничествами к иконе в Кострому[10]. Костромское же духовенство должно было накануне праздника приезжать из Успенского собора в Москву за святой водой. Об этом, как уже устоявшемся праздничном ритуале, говорится в царской грамоте за 1616 г., отправленной в Кострому[11].

Несомненно, события 1613 г. заставили русское духовенство обратить внимание на Кострому, знаменательные факты ее истории, но главным образом, на Феодоровскую икону и связанные с ней местные предания.

У Феодоровской иконы был еще один, древний, почти забытый к началу XVII в. праздник, отмечавшийся 16 августа[12] и связанный с ранними событиями костромской истории, отразившимися в цикле легенд о князе Василии. Именно эти предания, а не события 1613 г., были использованы в качестве сюжетной основы для "Сказания о Феодоровской иконе". О личном знакомстве с костромскими легендами автор литературного текста сообщает так: "еже слышах от многих добре возвещающих хвалы Божия Матере, и сила ея, и чудеса, яже сотвори во граде нашем и во окрестных его пределах, и еже у себе имущих писание до разорения литовских и польских людей". Таким образом, автор говорит, что узнал легенду через устный рассказ, но сами рассказчики располагали ее записями еще до событий 1612 г., во время которых записи, вероятно, были утеряны. Трудно подтвердить заявления автора, если не видеть в них только традиционную риторическую конструкцию, поскольку иных вариантов записей легенды, кроме текста 1636 г., пока не обнаружено. Текст же 1636 г. несет в себе черты длительной жизни легенды: от рассказа "по горячим следам", до его идеологического переосмысления и, наконец, за-

писи. Помимо легендарного сюжета в тексте "Сказания" просматриваются следы влияния других литературных источников ХУ-ХУI вв. Для подтверждения обратимся к тексту. Изложение легенды начинается с описания нашествия "грех ради наших" "окаянного, и свирепого, и прегордого, и мерзкого отступника, и лютого мучителя царя Батыя на всю русскую землю". Татары разорили многие российские города, и среди них Владимир, где они "великого князя Георгия уби". Тогда же был пленен Городец, и из запустевшего града исчезла чудотворная икона Феодоровской Богоматери, "не восхоте... быти на пусте месте". По замыслу провидения через год икона чудесно является костромскому князю Василию во время "ловитвы" в "чаще леса". Он пытается взять икону и не может: икона "выспрь ста и не дадеся ему". И только весь "освященный собор" града Костромы, "поюще молебная пения", переносит икону в костромскую деревянную церковь во имя Феодора Стратилата. Костромские жители свидетельствуют, что видели явившуюся икону накануне, "несому по воздуху воином неким", подобным Феодору Стратилату. Узнают икону и городецкие купцы, приехавшие в Кострому "гостьбу и куплю деяти", сообщая, что раньше та икона "на Городце была" и "многая преславная чудеса от нея содеяшася". Далее автор рассказывает о строительстве Феодоровского собора в Костроме, многочисленных его пожарах и чудесном исхождении иконы из огня. Сообщается об основании в Костроме Успенского собора и Спасо-Запрудненского монастыря.

Все строительство храмов связывается с указаниями чудотворной иконы (местом ее явления, обретения и т.п.).

Центральный эпизод "Сказания" - чудесная победа князя Василия над татарами с помощью Феодоровской иконы. В разгар сражения от чудотворной иконы, которую возил с собою "на брани" князь Ва-

10 - 112

силий, "возсияша лучи паче солнечных" и "пожгоша татарские полки". Описывая эту удивительную победу костромского князя, автор сравнивает ее с легендарной победой Андрея Боголюбского над булгарами, когда Андрею помогла Владимирская икона Богоматери, послав "луч огненный" на врагов.

Рассказанная автором костромская легенда, без сомнения, отражает какие-то реальные исторические события, искаженные впоследствии устной традицией. Более того, она содержит указания на городецкие источники определенной доли своей информации. Текст "Сказания" дважды отсылает нас к истории города Городца, упоминая его в связи с батыевым нашествием и исчезновением из него Феодоровской иконы, а также в эпизоде "узнавания" иконы городецкими купцами и их свидетельства о длительном пребывании иконы в Городце. Между разорением Городца и явлением иконы в Костроме автор указывает срок около одного года. Однако, "батыево нашествие" 1237 г. реально мог помнить только Городец, называемый в списке разоренных городов Лаврентьевской летописью[13]. Это был один из крупнейших опорных пунктов владимиро-суздальских князей в среднем Поволжье в начале XIII в.[14] Ранние летописи ничего не сообщают о существовании в Городце в XII-XIII вв. Феодоровского монастыря, места первоначального нахождения чудотворной иконы. Относительно поздняя компилятивная Тверская летопись под 1177 г., повествуя о кончине великого князя Михалко Тверского, добавляет: "и положиша его у Св.Богородицы" на Волге в Городце Радилове[15]. Под 1263 г. Лаврентьевская летопись рассказывает о болезни Александра Невского во время возвращения его из Орды и остановке в Городце на Волге. Там князь принимает иночество в одном из монастырей и в скором времени умирает.[16] Это событие документально не связывается с Феодоровским

монастырем, можно лишь с большой долей осторожности предполагать, что князь Александр Ярославич остановил свой выбор на крупнейшем из городецких монастырей - Феодоровском, переживавшем, как и Городец, свой расцвет в XIII в. Однако, аналогичные события более позднего периода едва ли не ставят под сомнение достоверность свидетельства Лаврентьевской летописи о пострижении Александра. Андрей Городецкий, сын Александра Невского, бывший какое-то время великим князем владимирским, в 1303 г. возвращается из Орды, в 1304 г. умирает и его хоронят в собственном уделе - Городце на Волге[17]. Летописи упоминают в последний раз Феодоровский городецкий монастырь под 1367 г.[18] Примерно к этому периоду относится и литературное свидетельство о нем: на Феодоровский монастырь как один из крупнейших в Поволжье, в XIУ в. указывает "Житие Павла Обнорского". Павел жил некоторое время "на Низу у Феодора" перед тем, как уйти в Вологодский край.[19]

Татарское разорение Городца, описываемое в "Сказании", всплывает в костромском контексте. Следовательно, это событие должно объединять Городец и Кострому, т.е. быть общим для них. Едва ли это нашествие Батыя - Кострома тогда не пострадала; скорее всего в легенде отразились события 1408 г. Тогда отрядами Едигея Городец был сожжен и "свята церкви огневи предаша". Особенно пострадал крупнейший из городецких монастырей - Феодоровский, так и не сумевший оправиться в последствии. Разорив Городец, татары направились "в верх по Волге" на Кострому, но с половины пути повернули обратно, "поидоша взад к Городцу и Новугороду, воюючи и секучи остатка людей", "...люди побегоша кто куда, они же всеми путми гониша в след их"[20].

Феодоровский, подобно другим северным русским монастырем, ши-

роко раскидывал свои владения на смежных с ним территориях[21]. Исследователями не раз отмечалась устойчивая переселенческая волна от Городца вверх по Волге на Кострому в XII–XIУ вв.[22] Вероятно, тогда, в 1408 г., городецкие жители со спасенной иконой бежали протоpенными путями из Городца в Кострому, останавливаясь для отдыха в многочисленных "пустынях", принадлежавших Феодоровскому монастырю. Опустевший Городец превратился в маленький захолустный городок "в уезде славного Нижнего Новгорода". Как ностальгические воспоминания по славному прошлому в нем начинает складываться свод Китежских легенд.[23] Одним из действующих "лиц" этих легенд выступала Феодоровская икона. Славу Феодоровского городецкого монастыря в начале ХУ в. приемлет Ионина пустынь, основанная в 1393 г. нижегородским архимандритом Ионой, едва ли не легендарное "пусто место", где "не восхоте быти" чудотворная икона.[24] "Сам же Феодоровский монастырь после разорения 1408 г. более не возобновлялся до 1700 г.[25], а на его месте оставалась лишь полуразрушенная часовня. В городецкой писцовой книге за 1680–1684 гг. это место описывается так: "Монастырь Феодоровский, тое же деревни Кириловы, в поле от валу не росчищено старое кладбище, а на том кладбище поставлен столп, а в том столпе образ пресвятыя Богородици Феодоровския"[26].

Старцы Иониной пустыни, превратившейся в крупнейшую городецкую обитель, определяли культовую политику на своей территории и, несомненно, способствовали оформлению цикла китежских легенд. По мнению исследователей, уже в конце ХУ в. легенды были записаны и объединены в тексте "Китежского летописца", который в дальнейшем редактировался до начала ХУП в.[27] Текст этот содержит любопытные указания на городецкие чудеса Феодоровской иконы, о которых кратко упоминает костромское "Сказание". Легендарный патронат Нижегород-

ских земель Георгий Всеволодович, путешествуя в начале XIII в. по городам Владимиро-Суздальского и Ростовского княжеств, строит в них монастыри и церкви. И "приста к берегу в Малый Китеж, что на берегу Волги стоит и построи его", т.е. обнес его земляной крепостью. А затем по прошению жителей Городца он пытается из придорожной часовни перенести внутрь городской крепости чудотворную Феодоровскую икону, но она "не пойде с места". Тогда князь Георгий основывает Феодоровский монастырь там, где икона "изволи место себе"[28].

Этот фрагмент удивительно напоминает рассказ о выборе места для себя Владимирской иконой и основании храмов на владимирской земле Андреем Боголюбским[29]. Но в равной мере эпизод "Китежского летописца" аналогичен описанию в костромском тексте попыток князя Василия перенести явившуюся ему Феодоровскую икону из "чащи леса" внутрь городских стен и рассказу об основании Феодоровского собора в Костроме. В "Китежском летописце" нет и намека на "новые" костромские чудеса иконы. Очевидно, в период его составления костромские предания еще не обрели окончательную форму, возможно, что в них еще не было легенды о Феодоровской иконе. Текст костромского "Сказания", вернее, имеющая более раннее происхождение его легендарная основа, обнаруживает отчетливые следы влияния городецких преданий, более того – откровенного влияния письменного текста "Китежского летописца". Возможно, в "Сказании о Феодоровской иконе" в рассказе о старцах, имевших в начале XVII в. у себя "писания", содержится указание на литературный текст "Китежского летописца". Костромская легенда словно построена на антитезе "Летописцу": погибшему от руки татар городецкому патрону, разоренному Городцу и утраченной святыне противопоставлены князь-победитель и икона-

10* - 112

заступница. Кульминации это противопоставление достигает в описании в "Сказании" второго нашествия татар на Русь, по традиции названного "батыевым". Икона в этот момент уже была покровительницей Костромы и с ее помощью князь Василий побеждает татар, спасая тем самым себя, державу и святыню. Если городецкий князь Георгий уподобился Андрею Боголюбскому в размахе градостроения и храмостроения, то Василий Костромской - не только князъ-устроитель, но и князь-воин, подобный в своих ратных подвигах великому князю Андрею. Приводимые в Костромской повести для сравнения обстоятельства победы Андрея Боголюбского кратки, но, по-видимому, взяты из раннего литературного цикла, связанного с его именем: "Сказания о чудесах Владимирской иконы" или "Сказания о победе над волжскими булгарами в 1164 г.". Скорее всего это сравнение было сделано автором "Сказания" 1636 г., а не принадлежало легендарной традиции.

Победа князя Василия над татарами представляется в легенде как событие общерусской значимости, почти как вторая Куликовская битва. Само описание сражения и победы князя Василия представляет самостоятельный рассказ в письменном тексте и, очевидно, отдельное звено в цикле костромских легенд. Оно обнаруживает определенную композиционно-сюжетную зависимость от литературного цикла конца ХУ-начала ХУI вв. "Сказание о Мамаевом побоище" (в его Основной и Летописной редакциях)[30], хотя и уступает этому талантливому памятнику в эмоциональной напряженности и художественной выразительности. Сражение князя Василия происходит между устьями двух рек Волги и Костромы, "в мысу". Дмитрий Иванович ведет бой на Куликовом поле между Доном и Непрядвою. Столкновение русских войск с татарами в обоих рассказах получает дополнительный оттенок противостояния "христианского воинства" и "безбожных агарян". Княжеские вой-

ска не только отстаивают российские земли, но и свою веру от еретического вторжения, а потому получают покровительство от высших небесных сил. Перед сражением князь Василий и князь Дмитрий обращаются за помощью к Богородице и Христу, обоим покровительствуют верховные архистратиги: Василию - Феодор Стратилат, Дмитрию - Михаил. Русские князья выступают на битву с достоинством и смирением, татары напротив - с гордостью и честолюбивыми помыслами. В обоих памятниках "безбожный" татарский царь (в "Сказании о Феодоровской иконе" его имя не названо) сравнивается с Батыем.

В разгар битвы, когда войска Дмитрия Ивановича начали уставать, в воздухе являются ангелы, архистратиги и мученики Борис и Глеб, испускают "пламенныя их стрелы", озаряя светом "христилюбивое воинство".[31] Василию помогает Феодоровская икона, от которой "возсияша лучи паче солнечных". В результате заступничества, Дмитрий - собственными силами, Василий - с помощью иконы побеждают, татары в ужасе разбежались, а князья преследуют их, "бьюще и секуще" без милости, "останцы же нечестивых исчезоша и погибоша". По успешном окончании сражения князья обращаются с благодарственной молитвой к Богородице.

Помимо композиционного и сюжетного сходства двух "Сказаний" выявляется еще одна деталь, свидетельствующая о влиянии "Сказания о Мамаевом побоище" на легенду о победе костромского князя Василия: князю Василию дается прозвище Квашня. Но такой князь не известен ни летописям, ни другим историческим источникам. В "Сказании о Мамаевом обоище" в передовом полку Дмитрия Ивановича сражается "костромскый же воевода Иван Квашня Родивонович".[32]

В результате сравнения "Китежского летописца", "Сказания о Мамаевом побоище" и "Сказания о Феодоровской иконе" напрашивается вывод о непосредственном текстуальном влиянии первых двух памятников

на последний. Однако, "Сказание о Феодоровской иконе" было составлено в 1636 г., более ранних записей или литературных реминисценций не известно, а положенная в его основу легенда была связана с праздником в честь Феодоровской иконы еще в ХУI веке. Неточности костромской легенды при заимствовании сюжетных ходов или имен из литературных памятников могут быть объяснены искажением в устной традиции. Поэтому следует признать влияние литературных текстов ХУ-начала ХУI вв. на костромской цикл легенд о Феодоровской иконе и князе Василии.

Помимо литературного влияния в легенде легко просматриваются местные предания об основании храмов, топонимические и проч., поэтому для восстановления более полной картины возникновения костромской легенды необходимо обратиться к локальному контексту ее бытования.

В герое костромской легенды князе Василии представлен собирательный образ князя - покровителя, если судить по грандиозному размаху его деятельности. Костромской князь назван великим. Историкам известно только три самостоятельных костромских князя, и из них первый - Василий Ярославич - был великим князем владимирским с 1273 по 1276 год.[33] Летописи свидетельствуют о существовании Костромского княжества в 1265 г., но центром самостоятельного княжества, по мнению исследователей, Кострома была уже в 50-е гг., ХШ в., когда ее получил в удел младший сын владимирского князя Ярослава Всеволодовича и брат Александра Невского Василий[34]. Как и всякая легенда, костромская грешит неточностью генеалогических связей своего героя: во многих списках "Сказания о Феодоровской иконе" Василия называют сыном владимирского князя Георгия (и даже Георгия-Ярослава), внуком Александра Невского. Возможно, такое

родство Василия устанавливалось под влиянием городецкого легендарного патрона князя Георгия. При записи костромской легенды в тексте "Сказания" ошибка в скором времени была раскрыта, о чем переписчик представил обширное "Извещение о великом князе Василии Костромском: о родословии его. Выписано от гранографа".[35] Очевидна ошибка в именовании Василия Костромского также и Галицким князем. Летописи впервые связывают с Галичем под 1280 г. имя князя Давида Константиновича, внука Ярослава Всеволодовича, т.е. племянника Василия[36]. Не следует, конечно, отождествлять героя легенды с реальным Василием Ярославичем, но выбор прототипа неслучаен. С именем Василия Ярославича связано образование Костромского княжества[37], он был единственным из костромских князей, получившим великое княжение, и в 70-е гг. XIII в. был в центре политической жизни Северо-Восточной Руси.[38] Он подчинил себе Новгород[39], а в 1274 г. при нем проходил знаменитый духовный собор во Владимире, поставивший епископом Серапиона[40]. Имя реального князя Василия было связано и с Феодоровским собором в Костроме: по свидетельству летописей, в нем он венчался в 1266 г.[41], а после смерти в 1276 г. "положен у Федора"[42].

Кострома в дальнейшем могла помнить и других великих князей, не раз укрывавшихся в ней от татарских набегов и политических проблем. В 1382 г., например, послужила убежищем Дмитрию Донскому от войск Тохтамыша. В 1408 г. его сын Василий Дмитриевич бежал в Кострому от Едигея: "Василей же... не успе ни мала дружины собрати, град (Москву - Т.Н.) осади..., а сам со княгинею и детьми отъеха к Костроме"[43]. Еще дважды - в 1433 и 1451 гг. приходилось Василию II спасаться в Костроме от внутригосударственных раздоров и татарских набегов.[44] В начале XVII в. Кострома в очередной раз

явилась укрытием будущему царю Михаилу Федоровичу. Костромская легенда аккумулировала эти факты местной истории в образе героя-покровителя. Возможно, частое и длительное пребывание в Костроме Василия Дмитриевича оставило наиболее яркий след в ее памяти, а потому легендарная победа князя Василия, уподобленная Куликовской битве, есть ни что иное,как незначительная победа Василия Дмитриевича над небольшим, отбившимся от войска отрядом татар в 1429 г. В Ермолинской летописи под этим годом читаем: "Приходиша татарове к Галичу и града не взяша, а волости повоеваша, а на Крещение приидоша изгоном на Кострому, и попленше ю, и отъиде на Низ Волгою. Князь же великий Василей то слышав, посла за ними дядь своих...".

В костромской легенде вычленяется объемный пласт местных преданий о строительстве храмов и монастырей. Центральное место в этих преданиях занимают рассказы о многократных восстановлениях после пожаров деревянного Феодоровского собора, а затем основании его преемника - каменного Успенского собора. Возникновению преданий о Феодоровском соборе, очевидно, способствовала его удивительная историческая связь с Феодоровским городецким монастырем посредством Феодоровской иконы. Концентрация внимания костромской легенды на имени Феодора Стратилата свидетельствуют о специфическом местном костромском культе византийского мученика в конце XIУ - начале XУ века; ему даже приписывается само спасение чудотворной иконы и перенесение из Городца в Кострому. Костромские исследователи полагают, что собор был основан Ярославом Всеволодовичем, принимая во внимание запись Лаврентьевской летописи о рождении Ярослава 8-го февраля 1191 г. и наречении его "в... крещении" Феодором в честь святого великомученика Феодора Стратилата, в день памяти которого родился князь[45]. Однако, бесспорно лишь то, что к середине XШ ве-

ка Феодоровский собор существовал и был главным храмом города, на что указывают летописные факты венчания в нем князя Василия Ярославича и погребения.

Интересно, что многочисленные легендарные пожары собора имеют историческое подтверждение. По рассказу Лаврентьевской летописи "в лето 1304 ... в ден вторши в полдень бысть туча велика с востока и удари гром велики сильно в маковицю святаго Феодора церковь и зажже, и згоре до вечерни"[46]. Но уже к 1320 г. собор св.Феодора был восстановлен, т.к. Воскресенская летопись сообщает о венчании Константина Михалковича Тверского в Костроме в церкви св.Феодора[47]. Отстроенная церковь также была деревянной, и в 1413 г. "в день июне погоре град Кострома и сгоре церквей 30".[48] В огромном пожаре, истребившем весь город, погиб и Феодоровский собор. В 1416 г. вновь закладывают Кострому, великий князь Василий Дмитриевич обносит город деревянной стеной[49] и, возможно, тогда же заново строят деревянный Феодоровский собор, или "малу церковь", как сказано в легенде. Каменная церковь Феодора Стратилата была построена в 90-х гг. ХУI в. и ее строительство связывают с политическими симпатиями костромичей к царю Феодору Иоанновичу, но легенда ничего не упоминает о ней[50]. Что касается каменного Успенского собора с приделом во имя Феодора Стратилата "внутри града", т.е. в Кремле, то археологические исследования сохранившейся каменной застройки костромского Кремля позволяют датировать ее ХУI в., а остатки собора, его раннюю каменную кладку - первой половиной ХУI в.[51] Алтарь храма, как и сказано в легенде, действительно был обращен в сторону речки Запрудня, месту явления чудотворной иконы, а не традиционно на восток. По свидетельству костромских искусствоведов XIX в., внутренняя часть собора была рас-

писана по мотивам костромской легенды[52], но время происхождения росписи и ее состав установить уже невозможно – в XX в. храм был разрушен.

Феодоровский собор оставался главным храмом города до начала XVII в., но с ним уже успешно конкурировал Успенский. В жалованных грамотах Михаила Феодоровича, адресуемых первоначально как Феодоровскому собору, так и Успенскому, все чаще приоритет отдается последнему[53].

В конце XVI – начале XVII в. в связи с выдвижением на передний план политической борьбы за трон костромской фамилии Годуновых в Костроме оформляется легенда о происхождении рода Годуновых, в которой действует Феодоровская икона. Содержание легенды таково[54]: в начале XIV в. татарский мурза Чет выехал из Орды в Москву, проникнувшись еще в Орде от бывшего там митрополита Петра христианской верой. По пути он остановился для "обычного роздыха" у реки Костромы, на месте победы Василия Костромского с помощью Феодоровской иконы. Там мурзе являются апостол Филипп, мученик Ипатий и Богоматерь Феодоровская. Чет истолковывает видение как знак благоволения к нему и просит у митрополита и великого князя московского разрешения на основание храма на месте видения. Получив благословение, Чет основывает в 1330 г. монастырь в честь мученика Ипатия, учреждает устав и сам постригается под именем Захарий. От этого Захарии и пошел род Годуновых. Очевидно, в этот же период, в начале XVII в. была выполнена икона, изображающая небесное явление мурзе Чету.[55]

Таким образом, проанализированные многочисленные исторические факты, литературные и легендарные свидетельства позволяют определить этапы развития местной легенды. Предпосылкой к возникновению

костромской легенды явилось перенесение в 1408 г. чудотворной Феодоровской иконы из Городца в Кострому. Событие это повлекло развитие цикла городецких преданий о славном прошлом, обретших вид литературного текста к концу ХУ в. ("Китежского летописца"). "Летописец" в середине ХУI в. попадает в Кострому и ассимилируется местными легендами о градостроительной деятельности князя Василия, пополняя их сюжетом о перенесении и явлении иконы. Под влиянием реальных событий и текста "Сказания о Мамаевом побоище" в этот же период оформляется легенда о победе князя Василия над татарами. Поскольку в тексте костромской легенды упоминается строительство каменного Успенского собора, но нет сведений о каменной церкви св.Феодора, то окончательное ее формирование в том виде, в каком она отразилась в "Сказании о Феодоровской иконе", следует отнести к середине - тертьей четверти ХУI в. Возможно, в это время были предприняты и какие-нибудь записи легенды в Успенском соборе или книжном центре Костромы Ипатьевском монастыре. Угаснуть легенде не дали бурные политические события конца ХУI - начала ХУП в., охватившие российское государство и имевшие один из эпицентров в Костроме. Вслед за событиями 1613 г. последовало возрождение интереса к святыне - чудотворной Феодоровской иконе - и установление нового ее почитания. В 1636 г. пышное поновление иконы под покровительством российского царя было сопровождено торжественным литературным текстом, представлявшим новые "заслуги" иконы через призму ее легендарного прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кириллин В.М. "Сказание о Тихвинской Одигитрии" в общественно-политической и культурной жизни Руси конца ХУ - начала

XVI века. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.I: XI-XУI века. - М., 1989. - С.368-406.

Кириллин В.М. Первоначальные редакции "Сказания о Тихвинской Одигитрии. // Книжные центры Древней Руси XI-XУI вв. - СПб., 1991. - С.200-219.

Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XУП в. - Новосибирск: Наука, 1973 г.

2. Баженов И. Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери в кафедральном соборе г.Костромы. - Кострома, 1911.

Голубцов А.П. Автор древней повести о Феодоровской иконе. // Голубцов А.П. Сборник статей. - Сер. Посад, 1911.

Островский П. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора. - М., 1855.

Островский П. Исторические записки о Костроме и ее святыне... - Кострома, 1864.

3. В работе использовался 51 список "Сказания о Феодоровской иконе", обнаруженный в рукописных фондах Российской Государственной Библиотеки, Библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (РНБ), ГИМ, Костромского историко-архитектурного музея-заповедника и Городецкого краеведческого музея.

Редакция А представлена, например, списками: РНБ, собр.ОЛДП, 137, лл.429-479 об. ("Сказание о явлении"), 3-я четверть XУП в., 1°; РГБ, ф.178, Музейное собр., № 6459, л.л.1-79 об. ("Сказание о явлении"), ркп. 1670 г. (запись переписчика), 4°; ГИМ, собр. Вахромеева, № 369, лл.1-97 об. ("Слово о чудеси и о явлении"), к.XУП в., 4°.

Редакция Б: ГИМ, Синодальное собр., № 808, л.л.764-771 ("Сказание о Феодоровской иконе"), Четьи-Минеи Иоанна Милютина, 1646-

1654 гг., I^{o}; РНБ, Соловецкое собр., № 990/1099, л.л.210об. - 228 об., 1670-90-е гг., 4°, лицевая рукопись.

Редакция В: РГБ, ф.178, Музейное собр., № 2798, л.л.35 об.-36 об. ("Повесть о Феодоровской Костромской иконе"), к.ХУП в., 4°; РГБ, ф.310, собр.Ундольского, № 398, л.л.97-98 об., II-я половина ХУП в., 4°.

Выделение 4-х редакций текста, сделанное П.Островским в "Историческом описании...", представляется не обоснованным.

Список редакции А (Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, собр. Богоявленского монастыря, № 13, л.л.15 об.-64, 1708 г., I^{o}) был опубликован И.Баженовым в "Вестнике археологии и истории", вып.XIX, 1909 г. (с.187-260). Текст редакции В - в примечаниях к Ш тому "Истории русской церкви" Макария (Примеч.103, с.266-267).

В статье все цитаты приводятся по списку редакции А: РГБ, ф.256, Румянцевское собр., № 364, л.л.76-98 об., к.ХУП в.

4. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской церкви. - СПб., 1877. - С.854, № 2; с.852, № I.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о православных монастырях. - М., 1852. - С.151, 156, 161-163.

Островский П. Историческое описание. - С.157.

Диев М. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. - М., 1858. - С.37.

Амвросий. История Российской иерархии. - М., 1812. - Т.П. - С.632.

5. П.Островский, протоиерей костромского Успенского собора, и А.П.Голубцов, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, предполагали старшинство редакции Б, называя ее минейной. Аргументом служил

наиболее ранний из всех известных списков "Сказания" текст в составе Четьих Миней Иоанна Милютина 1646–1654 гг. Милютину же приписывалось и авторство "Сказания". Однако, таким выводам противоречит широкая популярность "Сказания" при малой известности среди книжников милютинских миней.

Кроме того, текст редакции Б носит на себе ярко выраженные следы редактирования путем сокращения. Полемику по вопросу о первоначальной редакции "Сказания о Феодоровской иконе" см. в сб. "Известия IУ обл. историко-археологического съезда в Костроме", Кострома, 1909, заседание № 7.

6. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. – М., 1912. – Вып.5. – С.79.

7. Грамота об избрании царя Михаила Федоровича на всероссийский престол, 1613 года. // Древняя российская вивлиофика. – 1895. Т.Ш. – Ч.5. – С.131-201.

8. Описание костромского Ипатьевского монастыря. – М., 1832. – С.50–55.

9. "Извещение" об установлении 14 марта праздника в честь Феодоровской иконы представлено как дополнение к "Грамоте о избрании", т.е. обычно читается в ее составе.

10. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. – М., 1842 г. – С.11, 38 и др.

11. Островский П. Историческое описание. – С.205.

12. Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. – Владимир, 1901. – Т.I. См. на 16 авг.

13. ПСРЛ, Т.I, Стб.470.

14. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Севе-

ро-Восточной Руси X-XIУ вв. - М., 1984. - С.93-95.

15. ПСРЛ, Т.ХУ (тверск.), С.261.

16. ПСРЛ, Т.I, С.204, 206. Ср.: ПСРЛ, Т.УII, С.164, 236.

17. Кучкин В.А. Формирование государственной территории. - С.120-121, 206.

18. ПСРЛ, Т.ХУШ, С.106; Т.ХУ (Пч., 1922), С.85.

19. РГБ, Рум. собр., № 397, л.л.352-352 об. (краткая редакция), ХУI в.

РГБ, Троицк. собр., № 692, л.л.292-321 (пространная редакция), ХУI в.

20. ПСРЛ, Т.ХУ (тверск.), С.484.

21. Исторические данные о Феодоровском городецком монастыре: К построению в подворье монастыря в СПб. Храма в память 300-летия юбилея царствования императорского дома Романовых. - СПб., 1910.

Историческое описание Феодоровского городецкого монастыря и о минувшем политическом значении с.Городца. - Нижний Новгород, 1890.

22. Кучкин В.А. Формирование государственной территории. - С.94-95.

23. Комарович В.Л. Китежская легенда: Опыт исследования местных легенд. - М.; Л., 1936.

24. Комарович В.Л. Китежская легенда. - С.81, 106-10[illegible].
ААЭ, т.I (СПб., 1836), приводится грамота от городецкого князя Бориса Константиновича, дозволяющая основание Иониной пустыни. Ионина пустынь оказалась единственным из городецких монастырей, уцелевших к ХУП в.

25. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиогр. указателем. Т.I: Преобразование старых, учреждение но-

11- 112

вых монастырей с 1764/65 по I июля 1890 г. – СПб., 1890. – С.92-93.

26. Комарович В.Л. Китежская легенда. – С.55.

27. Комарович В.Л. Китежская легенда. – С.107.

28. Комарович В.Л. Китежская легенда. Приложение I. – С.162.

29. Это сходство дало повод В.Л.Комаровичу считать "Китежский летописец" едва ли не фрагментом несохранившейся нижегородско-суздальской летописи ХУ в., составленной на основе ростовского свода, в котором имя Андрея Боголюбского было заменено на имя легендарного Георгия Всеволодовича.

30. Повести о Куликовской битве / М.Н.Тихомиров, В.Ф.Ржига, Л,А.Дмитриев. – М., 1959.

31. В Летописной повести о Мамаевом побоище лучи исходят от образа Спаса на полковом знамени. См.: Повести о Куликовской битве.-С.36.

32. Повести о Куликовской битве. – С.67, 90.

33. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. – СПб., 1891. – Т.I. – С.40; Т.2. – С.261-266.

34. Кучкин В.А. Формирование государственной территории. – С.119.

35. РНБ, Соловецкое собр., № 990/1099, л.228-228 об.

36. Кучкин В.А. Формирование государственной территории. – С.116-118.

37. ПСРЛ, Т.ХУШ, С.72.

38. НПЛ, С.88-90. Кучкин В.А. Формирование государственной территории. – С.119.

39. НПЛ, С.322.

40. ПСРЛ, Т.ХУШ, С.74.

41. ПСРЛ, Т.XI, С.44-45.

42. ПСРЛ, Т.I, Стб. 227.

43. ПСРЛ, Т.ХУ (Пг., 1922), С.484.

44. Памятная книга для Костромской губернии на 1862 г. – Кострома, 1862. – С.29–30.

45. Миловидов И.В. Очерк истории Костромы. – СПб., 1886. – С.46–47.

ПСРЛ, Т.I, Стб.172.

46. ПСРЛ, Т.I, под 6812 г.

47. ПСРЛ, Т.УII, под 6828 г.

48. ПСРЛ, Т.ХУ (тверск.), под 6921 г.

49. ПСРЛ, Т.XI, С.231.

50. Диев М. Историческое описание. – С.9.

51. Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме. // Культура средневековой Руси. – Л., 1974. – С.146.

52. Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме. – СПб., 1909. – С.15.

53. Миловидов И.В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1887. – Вып.I. – С.20–24.

54. Описание. – 1832. – С.I–3.

Вероятно, легенда имела письменный текст, составленный в Ипатьевском монастыре и пока не обнаруженный.

55. Зверинский В.В. Материалы. – СПб., 1892. – Т.II. – С.148.